

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Преступления в сфере банкротства»

Обучающийся

Д.О. Яшнев

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, Т.Ю. Дементьева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Институт несостоятельности (банкротства) продолжает находиться в центре внимания как учёных и практиков, так и общественности, будучи востребованным способом цивилизованного урегулирования ситуаций, связанных с неплатёжеспособностью.

Ряд противоправных действий, связанных с вышеназванным институтом и посягающих на соответствующий объект уголовно-правовой охраны, определены в нормах УК РФ в качестве преступлений в сфере банкротства. При этом, лица, виновные в совершении данных противоправных деяний, привлекаются к уголовной ответственности крайне редко.

Определённую сложность представляет бланкетный характер норм, определяющих преступность и наказуемость рассматриваемой группы преступлений, что обуславливает необходимость правоприменителя вникать в обширное и сложное нормативно-правовое регулирование отношений в сфере несостоятельности (банкротства).

Сказанное предопределяет вывод о необходимости дальнейшего совершенствования регулирования вопросов уголовной ответственности в сфере банкротства.

Цель исследования: проанализировать преступления в сфере банкротства, предусмотренные действующим УК РФ.

Проблематика исследования неоднократно освещалась в научных трудах ряда авторов. Стоит отметить работы таких специалистов, как: О.В. Боев, П.Е. Власов, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, В.К. Дуюнов, С.П. Кубанцев, П.Д. Куркин, Н.А. Лопашенко, А.В. Наливайченко, А.К. Субачев, П.С. Яни и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, шесть параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Формирование подходов к определению понятия банкротства и уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере банкротства в России	8
1.1 Подходы к определению понятия банкротства в России	8
1.2 Формирование уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере банкротства	16
Глава 2 Особенности объективных признаков преступлений в сфере банкротства в нормах действующего УК РФ	22
2.1 Особенности определения объекта преступлений в сфере банкротства.....	22
2.2 Особенности признаков объективной стороны преступлений в сфере банкротства	27
Глава 3 Особенности субъективных признаков преступлений в сфере банкротства в нормах действующего УК РФ	46
3.1 Особенности субъекта преступлений в сфере банкротства	46
3.2 Особенности признаков субъективной стороны преступлений в сфере банкротства	53
Заключение	60
Список используемой литературы и используемых источников	66

Введение

Актуальность исследования. Институт несостоятельности (банкротства) продолжает находиться в центре внимания как учёных и практиков, так и общественности, будучи востребованным способом цивилизованного урегулирования ситуаций, связанных с неплатёжеспособностью.

Законодательное регулирование отношений несостоятельности (банкротства) продолжает развиваться по мере того, как правоприменительная практика ставит перед законодателем новые проблемы, требующие решений в рамках различных отраслей российского права.

Вместе с тем, как верно отмечается авторами, «институт банкротства является достаточно уязвимым в криминогенном отношении и может использоваться как средство хищения средств кредиторов и последующей легализации незаконно присвоенного» [39, с. 12].

Ряд противоправных действий, связанных с вышеназванным институтом и посягающих на соответствующий объект уголовно-правовой охраны, определены в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации [45] (УК РФ) в качестве преступлений в сфере банкротства: ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство» и ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство».

Преступления в сфере банкротства, именуя также преступлениями, связанными с криминальным банкротством, в том числе на уровне нормативных документов [25], однако, такой вариант представляется не вполне удачным, поскольку не совсем корректно и точно отражает суть всех деяний, предусмотренных в рамках ст.ст. 195-197 УК РФ.

Поэтому наиболее приемлемым представляется оборот «преступления в сфере банкротства», указывающий на соответствующую сферу общественных отношений, в рамках которых имеет место совершение противоправных действий виновных лиц.

Число процедур банкротства остаётся высоким и, как следует из доклада Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, по итогам 2022 года арбитражными судами рассмотрено 242 тыс. дел о банкротстве – что на 28% больше, чем в 2021 году [9].

При этом, лица, виновные в совершении противоправных действий в сфере банкротства, привлекаются к уголовной ответственности крайне редко. Так в 2021 г. по ст. 195 УК РФ осуждено 8 человек, по ст. 196 УК РФ – 22 человека, по ст. 197 УК РФ – 0 человек [37].

Специалисты связывают подобную ситуацию с тем, что имеет место «лишь фрагментарная включённость органов уголовной юстиции в процесс регулирования отношений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве. При этом отсутствуют однозначные критерии дифференциации гражданско-правовых деликтов и уголовно-противоправных деяний в рассматриваемой сфере» [22, с. 41].

Определённую сложность представляет бланкетный характер норм, определяющих преступность и наказуемость рассматриваемой группы преступлений, что обуславливает необходимость правоприменителя вникать в обширное и сложное нормативно-правовое регулирование отношений в сфере несостоятельности (банкротства).

В этой связи, П.С. Яни справедливо замечает, что «недостаточная востребованность норм об ответственности за преступления в сфере банкротства причиной имеет сложности уяснения содержания запрета» [49, с. 38], который обозначен в соответствующих составах уголовно наказуемых деяний.

Безусловно, правовое регулирование в обозначенной сфере не лишено недостатков и реализуемые законодателем многочисленные изменения и дополнения лишь подтверждают необходимость дальнейшего поступательного совершенствования соответствующих законодательных положений, с опорой на актуальные научные исследования последних лет различных отечественных специалистов.

Сказанное предопределяет вывод о необходимости дальнейшего совершенствования регулирования вопросов уголовной ответственности в сфере банкротства по нормам действующего уголовного законодательства в целях укрепления законности и качественной и эффективной защиты соответствующего объекта уголовно-правовой охраны.

Цель исследования: проанализировать преступления в сфере банкротства, предусмотренные действующим уголовным законодательством Российской Федерации.

Задачи исследования:

- сформулировать подходы к определению понятия банкротства в России;
- рассмотреть формирование уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере банкротства;
- проанализировать особенности объективных признаков преступлений в сфере банкротства в нормах действующего уголовного законодательства;
- проанализировать особенности субъективных признаков преступлений в сфере банкротства в нормах действующего уголовного законодательства;
- сформулировать выводы и предложения, направленные на совершенствование существующего нормативного регулирования и правоприменительной практики.

Объект исследования: отношения, связанные с уголовной ответственностью в сфере несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации на современном этапе.

Предмет исследования: нормы уголовного законодательства, нормы иной отраслевой принадлежности, включая федеральные законы, подзаконные нормативно-правовые акты, а также различные материалы правоприменительной (судебной) практики, связанные с уголовно

наказуемыми действиями в сфере несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации.

Методология исследования: данное исследование построено на основе применения ряда методов современного научного познания, включая всеобщий диалектический метод познания, а также иные методы.

Степень разработанности темы исследования. Проблематика исследования неоднократно освещалась в научных трудах ряда авторов. Стоит отметить работы таких специалистов, как: О.В. Боев, П.Е. Власов, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, В.К. Дуюнов, С.П. Кубанцев, П.Д. Куркин, Н.А. Лопашенко, А.В. Наливайченко, А.К. Субачев, П.С. Яни и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Формирование подходов к определению понятия банкротства и уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере банкротства в России

1.1 Подходы к определению понятия банкротства в России

Как представляется, анализ преступлений в сфере банкротства необходимо начать с базовой категории, лежащей в основе формирования соответствующих составов преступлений – категории «банкротство».

Определённые сложности в целостном понимании и толковании данной категории составляет её межотраслевой характер, который предопределяет многозначность анализируемого понятия.

Сложности, связанные с использованием межотраслевых категорий вполне ожидаемы и понятны, учитывая то, что каждая из отраслей права обладает собственной спецификой, которая накладывает свой отпечаток на используемую терминологию, а также сам контекст её применения в регулировании. Это нередко обуславливает терминологический диссонанс и приводит к неоднозначности регулирования, непоследовательной правоприменительной практике и не способствует, в конечном итоге, чёткости нормативных предписаний.

«Данное обстоятельство требует разграничения соответствующих значений, чтобы оперирование соответствующей категорией могло быть продуктивным» [41, с. 22] – как верно указывает Е.Д. Суворов.

Несмотря на то, что преступность и наказуемость преступлений в сфере банкротства (ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 «Преднамеренное банкротство», ст. 197 «Фиктивное банкротство») определяется через понятие «банкротство», в нормах УК РФ его содержание не раскрывается, равно, как не раскрывается данная категория и в нормах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [13] (КоАП РФ), содержащего соответствующие «созвучные» составы

административных правонарушений в сфере банкротства (ст. 14.12 «Фиктивное или преднамеренное банкротство», ст. 14.13 «Неправомерные действия при банкротстве»).

Таким образом, имеет место бланкетность, диктующая необходимость обращаться для уяснения содержания соответствующей терминологии, к иным нормативным документам.

«Бланкетная диспозиция включает в себя значительное количество компонентов, которые в полном объеме не описываются в ней по причине перегруженности и нецелесообразности такого вида юридико-технического конструирования уголовно-правовых запретов» [49, с. 39] – указывается специалистами.

Наличие тесной взаимосвязи бланкетных уголовно-правовых норм с нормативно-правовыми документами иной отраслевой принадлежности в ряде случаев является необходимой и достаточной для установления признаков конкретного состава преступления, хотя и сопрягается с дополнительными сложностями.

Есть мнение о том, что «в своем большинстве уголовно-правовые диспозиции являются бланкетными, так как невозможно уяснить их содержание без обращения к другим отраслевым законодательствам, что имеет существенное значение для квалификации преступлений» [19, с. 29].

Бланкетный характер уголовно-правовой конструкции норм об ответственности за преступления в сфере банкротства и, соответственно, зависимость таких конструкций от гражданского законодательства о несостоятельности (банкротстве), по сути, была predetermined уже на первоначальном этапе формирования норм, регламентирующих ответственность за анализируемые преступления.

Сами проблемы применения бланкетных уголовно-правовых норм достаточно разнообразны, хотя в большинстве случаев могут быть сведены к ключевому моменту: правильности, однозначности и непротиворечивости квалификации соответствующего противоправного посягательства.

Следует согласиться с выводом отдельных авторов о том, что «отсутствие в законодательных нормах четких и однозначных понятий «неправомерные действия при банкротстве», «преднамеренное банкротство» и «фиктивное банкротство» является серьезным недостатком данных статей УК РФ и препятствием к привлечению виновных к уголовной ответственности» [26, с. 48].

Бланкетный характер диспозиций указанных статей, для реализации которых необходимо обращаться к положениям гражданского законодательства о банкротстве, создает дополнительные трудности правоприменения, а в ряде случаев, становится причиной существенных противоречий норм права различной отраслевой принадлежности. В целях устранения таких проблем, было бы целесообразно внести в юридические конструкции рассматриваемых составов преступлений четкую и развернутую формулировку и регламентацию действий, являющихся уголовно-наказуемыми. Все это позволит избежать неоднозначных и произвольных трактовок данных норм, дискуссионности их практического применения.

О нормативном содержании анализируемой категории говорит лишь Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [47] (Закон о банкротстве), где под несостоятельностью (банкротством) понимается: «признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» (ст. 2 Закона о банкротстве)

Обращает на себя внимание использование законодателем категорий «несостоятельность» и «банкротство» в качестве синонимов – равных по содержанию и значению определений, в то время как в нормах УК РФ законодатель обращается лишь к категории «банкротство».

Как указывают отдельные специалисты, «удвоение терминов в российском законодательстве о несостоятельности является традиционным предметом для дискуссии в научной среде, однако значимость проблемы не исчерпывается исключительно научным интересом. Из разницы в терминологии проистекает и разница в разграничении применимых правовых механизмов защиты прав кредитора и должника, в отношении которого применяются положения законодательства о несостоятельности (банкротстве)» [19, с. 29].

Под «несостоятельностью» понимается отсутствие средств для оплаты своих обязательств [30, с. 352], в то время как банкротство понимается как несостоятельность, сопровождающаяся прекращением платежей по долговым обязательствам [30, с. 33].

Таким образом, «банкротство» определяется через «несостоятельность», которая характеризует финансовое состояние субъекта.

Как указывает А.А. Коренная, «лексическая единица «несостоятельность» не содержит в себе положительного значения и отражает экономическое положение лица, которое не может производить платежи по своим обязательствам. Отрицание здесь характеризует состояние, придавая таким образом слову констатирующий (статический) оттенок. Термин «банкротство» является более категоричным и предполагает некую правовую фиксацию неудовлетворительного финансового состояния должника» [19, с. 29].

Очевидна взаимосвязанность данных категорий, но использование их в разных контекстах и смысловых значениях порождает неоднозначность в толковании.

В этой связи в научных публикациях верно замечают, что «из действующих нормативных формулировок очевидно, что законодатель использует указанные понятия как близкие, тождественные, а для того, чтобы рассматривать их изолированно друг от друга, необходимо первоначально произвести глобальную корректировку обширного комплекса правовых

установок, регулирующих отношения в сфере несостоятельности (банкротства) и содержащих данные понятия» [34, с. 122].

Уделим внимание попытке разграничить данные категории в рамках законопроекта № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12].

В рамках обозначенного законопроекта предлагается рассматривать несостоятельность как: «неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей».

То есть, несостоятельностью авторами законопроекта предложено толковать, как некое фактическое состояние, связанное с неплатёжеспособностью должника, а непосредственно банкротство – как несостоятельность, которая констатируется со стороны государства со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. Подобный терминологический подход вполне понятен и логически обоснован.

Дифференциация здесь просматривается по экономико-правовому критерию. То есть, состояние несостоятельности, характеризующее с точки зрения экономических категорий, выступает предпосылкой банкротства, как состояния, формально возникающего с принятием арбитражным судом соответствующего решения, или с введением процедуры внесудебного банкротства для гражданина-должника.

Экономическое состояние несостоятельности, возникшее в результате обстоятельств объективного и субъективного свойства, может и не иметь своим итогом банкротство, поскольку может быть преодолено должником в процессе реабилитационных (восстановительных) процедур, направленных на восстановление его платежеспособности.

Такой подход находит своё отражение в контексте регламентации соответствующих процедур несостоятельности (банкротства) в рамках Закона о банкротстве. В частности, такие процедуры, как наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, применяемые к юридическому лицу, или такую процедуру, как реструктуризация долгов, применяемую к гражданину, можно считать процедурами несостоятельности, но процедурами банкротства в узком смысле слова они не являются, поскольку применяются к должнику, который ещё не признан банкротом решением суда, когда есть надежда на восстановление платёжеспособности. Такое разграничение отражает экономическое содержание несостоятельности во взаимосвязи с формально-правовым аспектом.

Однако, следование пути нормативного разграничения рассматриваемых категорий предполагает внесение изменений и в иные нормативные документы, использующие соответствующую терминологию – в частности, УК РФ. В настоящий момент в тексте УК РФ законодателем используется лишь термин «банкротство».

Разграничение анализируемых категорий в Законе о банкротстве повлечёт необходимость определения – в каком именно значении правоприменителю необходимо понимать состояние несостоятельности, применительно к составам преступлений в сфере банкротства. Это момент очень важный, поскольку от него, во многом, зависит правильность квалификация преступления, с точки зрения объективной стороны состава.

Кроме того, возникнет необходимость внесения соответствующих изменений и в ряд других нормативно-правовых документов различного уровня для того, чтобы обеспечить единообразное толкование, а это весьма затруднительно и может в конечном итоге привести к ещё большему диссонансу в правоприменении.

На данный момент, пока упомянутый законопроект не реализован, законодатель продолжает рассматривать категории «несостоятельность» и «банкротство» как синонимы, отождествляя их. При этом, исходя из

существующего нормативного определения несостоятельности, сформулированного в ст. 2 Закона о банкротстве, под банкротством понимается лишь такая несостоятельность должника, которая признана решением арбитражного суда, либо наступила в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина.

По сути, в УК РФ законодатель использует термин «банкротство» в особом, уголовно-правовом значении, включая в его содержание не только несостоятельность должника, имеющую место с принятием арбитражным судом решения о признании должника банкротом, но и фактическую (а также мнимую) неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Таким образом, можно резюмировать следующее: несмотря на то, что преступность и наказуемость преступлений в сфере банкротства определяется через понятие «банкротство», в нормах УК РФ его содержание не раскрывается, равно, как не раскрывается данная категория и в нормах КоАП РФ, содержащего соответствующие «созвучные» составы административных правонарушений в сфере банкротства.

Обращает на себя внимание использование законодателем категорий «несостоятельность» и «банкротство» в качестве синонимов – равных по содержанию и значению определений, в то время как в нормах УК РФ законодатель обращается лишь к категории «банкротство».

Очевидна взаимосвязанность данных категорий, но использование их в разных смысловых значениях порождает неоднозначность в толковании.

Бланкетный характер диспозиций указанных статей, для реализации которых необходимо обращаться к положениям гражданского законодательства о банкротстве, создает дополнительные трудности правоприменения, а в ряде случаев, становится причиной существенных

противоречий норм права различной отраслевой принадлежности. В целях устранения таких проблем, было бы целесообразно внести в юридические конструкции рассматриваемых составов преступлений четкую и развернутую формулировку и регламентацию действий, являющихся уголовно-наказуемыми. Все это позволит избежать неоднозначных и произвольных трактовок данных норм, дискуссионности их практического применения.

В рамках одного из существующих в данный момент законопроектов, предполагается разграничение анализируемых категорий и наполнение каждого из них собственным смысловым содержанием: несостоятельность предложено понимать, как фактическое состояние, связанное с неплатёжеспособностью должника, а банкротство – как несостоятельность, признанную со стороны государства со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. Подобный терминологический подход вполне понятен и логически обоснован.

Однако, следование пути нормативного разграничения рассматриваемых категорий предполагает внесение изменений и в иные нормативные документы, использующие соответствующую терминологию – в частности, УК РФ. В настоящий момент в тексте УК РФ законодателем используется лишь термин «банкротство».

По сути, в УК РФ законодатель использует термин «банкротство» в особом, уголовно-правовом значении, включая в его содержание не только несостоятельность должника, имеющую место с принятием арбитражным судом решения о признании должника банкротом, но и фактическую (а также мнимую) неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

1.2 Формирование уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере банкротства

Существующее в настоящее время правовое регулирование института несостоятельности (банкротства) и регулирование уголовной ответственности за преступления в данной сфере – это результат длительной эволюции соответствующих правовых норм на разных этапах исторического развития.

Как пишет П.Д. Куркин, «в процессе становления Российского государства подход законодателя к регулированию вопросов несостоятельности менялся в зависимости от уровня развития правоотношений» [21, с. 35].

Исторический контекст всегда остаётся неоднозначным и предопределяется общим уровнем регулирования, осуществляемого на том, или ином этапе в общем контексте историко-правового развития.

Первоначально происходило формирование норм, регламентирующих несостоятельность должника. Первые упоминания можно найти в нормах такого исторического правового документа, как Русская Правда [35] – в виде закрепления последствий неисполнения денежных обязательств и ответственности должника.

Отдельные положения, касающиеся несостоятельности, в виде заимствований из Русской правды и Псковской судной грамоты, нашли своё отражение в Судебнике 1497 г. [42] и Судебнике 1550 г. [43], но данные нормы были всё ещё далеки от современных законоположений и их можно рассматривать лишь в качестве определённой предпосылки к формированию регулирования в сфере несостоятельности (банкротства) в истории отечественного права.

Нормы же, посвящённые уголовной ответственности за преступления в указанной сфере, получили своё развитие лишь в Уложении 1845 г., ставшем важной вехой в развитии отечественного уголовного законодательства дореволюционного периода.

Уголовная ответственность предусматривалась ст.ст. 1163-1168 разд. VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» гл. XII «О нарушении постановлений о кредите».

Если в деле о банкротстве усматривались признаки, так называемой «неосторожной несостоятельности» или «злостной несостоятельности», это влекло предварительную квалификацию деяния как уголовно наказуемого, с направлением материалов дела из коммерческого суда в суд, уполномоченный рассматривать и разрешать уголовные дела, для разрешения вопроса о виновности должника, в чьих действиях усматривалась неосторожная, или же злостная несостоятельность.

Как отмечается исследователями, «Статья 1165 Уложения 1845 г. предусматривала уголовную ответственность за неосторожное (простое) банкротство для лиц торгового звания, которые подлежали наказанию в виде лишения права заниматься торговлей. По требованию кредиторов они заключались в тюрьму на срок от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев. Ответственность за злостное банкротство для лиц, осуществляющих торговлю, устанавливалась статьей 1163 Уложения 1845 г., санкция которой предусматривала лишение всех прав и состояний и ссылку в Сибирь на поселение» [21, с. 36].

Регулирование правоотношений, связанных с несостоятельностью (банкротством) претерпело кардинальные изменения при переходе от дореволюционного к советскому периоду развития отечественного права, в связи с Октябрьской Революцией 1917 г.

Дело в том, что с переходом к советскому государству и праву, большинство применявшихся ранее норм законодательства дореволюционного периода были упразднены. Как не соответствующие новой идеологии, что привело к определённой ломке существовавших законодательных основ.

Всегда сложно создавать нечто заново, следуя новым приоритетам и установкам, что и имело место в рассматриваемый период развития норм отечественного законодательства в сфере несостоятельности (банкротства).

Как отмечает О.В. Боев, «в рамках советской экономики нормы о несостоятельности (банкротстве) утратили актуальность вследствие социализации промышленности и сельского хозяйства (коллективизации и индустриализации). Советское законодательство не предусматривало уголовную ответственность за преступления в сфере банкротства, поскольку социалистическое предприятие в СССР не могло обанкротиться» [2, с. 16].

Таким образом, институт банкротства вступал в определённое концептуальное противоречие с установками государственной власти на функционирование предприятий и иных организаций, участвующих в экономическом обороте советского государства, несмотря на фактические предпосылки к необходимости регулирования отношений, связанных с несостоятельностью.

Как отмечает в этой связи П.Е. Власов, «ни один из ранее действовавших Уголовных кодексов РСФСР, а также иные законодательные акты советского периода подобных норм не предусматривали. Не было в них и сходных статей, опыт применения которых по аналогии можно было бы использовать при расследовании преступлений, предусмотренных ст.ст. 195-197 УК РФ» [3].

Лишь в нормах действующего УК РФ, принятого в условиях поступательного развития российского законодательства о банкротстве постсоветского периода, появились составы преступлений в сфере банкротства, регламентированные в ст.ст. 195-197 УК РФ.

При этом, стоит заметить, что первоначально в данные уголовно-правовые нормы изменения вносились редко – они оставались довольно стабильными. Лишь с принятием Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (Закона о банкротстве), обозначившем новый виток развития регулирования отношений в данной

сфере, в составы преступлений в сфере банкротства стали вноситься определённые изменения.

Таким образом, можно резюмировать следующее: существующее в настоящее время правовое регулирование института несостоятельности (банкротства) и регулирование уголовной ответственности за преступления в данной сфере – это результат длительной эволюции соответствующих правовых норм на разных этапах исторического развития

Первоначальные нормы, регламентирующие несостоятельность должника, можно обнаружить начиная с XI века, однако, нормы, посвящённые уголовной ответственности за преступления в указанной сфере, получили своё развитие лишь к середине XIX столетия.

В советский период соответствующее регулирование утратило свою актуальность ввиду социализации промышленности и сельского хозяйства. И лишь в нормах действующего УК РФ, принятого в условиях поступательного развития российского законодательства о банкротстве постсоветского периода, появились составы преступлений в сфере банкротства, регламентированные в ст.ст. 195-197 УК РФ.

В заключении первой главы работы сформулируем следующие выводы.

Несмотря на то, что преступность и наказуемость преступлений в сфере банкротства определяется через понятие «банкротство», в нормах УК РФ его содержание не раскрывается, равно, как не раскрывается данная категория и в нормах КоАП РФ, содержащего соответствующие «созвучные» составы административных правонарушений в сфере банкротства.

Обращает на себя внимание использование законодателем категорий «несостоятельность» и «банкротство» в качестве синонимов – равных по содержанию и значению определений, в то время как в нормах УК РФ законодатель обращается лишь к категории «банкротство».

Очевидна взаимосвязанность данных категорий, но использование их в разных смысловых значениях порождает неоднозначность в толковании.

Бланкетный характер диспозиций указанных статей, для реализации которых необходимо обращаться к положениям гражданского законодательства о банкротстве, создает дополнительные трудности правоприменения, а в ряде случаев, становится причиной существенных противоречий норм права различной отраслевой принадлежности. В целях устранения таких проблем, было бы целесообразно внести в юридические конструкции рассматриваемых составов преступлений четкую и развернутую формулировку и регламентацию действий, являющихся уголовно-наказуемыми. Все это позволит избежать неоднозначных и произвольных трактовок данных норм, дискуссионности их практического применения.

В рамках одного из существующих в данный момент законопроектов, предполагается разграничение анализируемых категорий и наполнение каждого из них собственным смысловым содержанием: несостоятельность предложено понимать, как фактическое состояние, связанное с неплатёжеспособностью должника, а банкротство – как несостоятельность, признанную со стороны государства со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. Подобный терминологический подход вполне понятен и логически обоснован.

Однако, следование пути нормативного разграничения рассматриваемых категорий предполагает внесение изменений и в иные нормативные документы, использующие соответствующую терминологию – в частности, УК РФ. В настоящий момент в тексте УК РФ законодателем используется лишь термин «банкротство».

По сути, в УК РФ законодатель использует термин «банкротство» в особом, уголовно-правовом значении, включая в его содержание не только несостоятельность должника, имеющую место с принятием арбитражным судом решения о признании должника банкротом, но и фактическую (а также мнимую) неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по

трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Существующее в настоящее время правовое регулирование института несостоятельности (банкротства) и регулирование уголовной ответственности за преступления в данной сфере – это результат длительной эволюции соответствующих правовых норм на разных этапах исторического развития

Первоначальные нормы, регламентирующие несостоятельность должника, можно обнаружить начиная с XI века, однако, нормы, посвящённые уголовной ответственности за преступления в указанной сфере, получили своё развитие лишь к середине XIX столетия.

В советский период соответствующее регулирование утратило свою актуальность ввиду социализации промышленности и сельского хозяйства. И лишь в нормах действующего УК РФ, принятого в условиях поступательного развития российского законодательства о банкротстве постсоветского периода, появились составы преступлений в сфере банкротства, регламентированные в ст.ст. 195-197 УК РФ.

Глава 2 Особенности объективных признаков преступлений в сфере банкротства в нормах действующего УК РФ

2.1 Особенности определения объекта преступлений в сфере банкротства

Процесс квалификации любого преступления, включая преступления в сфере банкротства, предполагает установление и юридическое закрепление в соответствующих процессуальных документах точное соответствие между фактическими признаками деяния, совершённого в действительности и признаками состава преступления, закреплёнными в уголовном законе.

При этом, «под составом преступления понимается совокупность (система) предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных признаков, определяющих общественно опасное деяние как конкретное преступление» [10, с. 36].

Состав преступления включает в себе совокупность признаков, необходимых и достаточных для привлечения виновного к уголовной ответственности за конкретное противоправное деяние.

Первичным является определение объекта преступления – тех общественных отношений, охраняемых уголовным законом, на которые направлено соответствующее преступное посягательство.

В науке различают общий, родовой, видовой и непосредственный объекты преступных посягательств.

Общий объект преступления в уголовно-правовой науке традиционно характеризуют как «совокупность всех охраняемых уголовным законом общественных отношений» [29, с. 31].

Любое преступление посягает на общий объект, поскольку на его уголовно-правовую охрану направлен весь комплекс норм УК РФ.

Общий объект преступления позволяет разграничить преступление и иное правонарушение, но не позволяет квалифицировать конкретное уголовно-наказуемое деяние.

Под родовым объектом понимается группа однородных общественных отношений (складывающихся в определенной сфере социально значимых ценностей), на которые посягают преступления одного рода. Данный объект выступает основанием разделения Особенной части УК РФ на разделы.

С учётом того, что составы преступлений в сфере банкротства находятся в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики», в качестве родового объекта данных противоправных посягательств следует считать экономические отношения, которые основываются на принципах осуществления экономической деятельности.

В тесной связи с родовым объектом преступления, находится видовой объект, которым признаётся «значительная группа общественных отношений одного вида (часть родового объекта), на которые посягают преступления одного вида и которые охраняются уголовно-правовыми нормами одного вида» [10, с. 51].

Видовой объект выступает в качестве основания разделения разделов Особенной части УК РФ на главы. Анализируемые составы преступлений в сфере банкротства расположены в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», что позволяет сделать вывод о том, что видовым объектом данной группы преступлений выступает определённая совокупность общественных отношений в сфере экономической деятельности.

Конкретизация видового объекта анализируемых преступлений различается в зависимости от авторского подхода. Например, Б.В. Волженкин под видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности понимает «охраняемую государством система общественных отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности в обществе, ориентированном на развитие рыночной экономики» [4, с. 53].

Другие специалисты понимают под видовым объектом данной категории противоправных деяний «производственные отношения, складывающиеся по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров, работ и услуг» [5, с. 16].

Н.А. Лопашенко считает, что таковым являются «общественные отношения в сфере реализации принципов осуществления экономической деятельности» [23, с. 11], что видится наиболее верным, применительно к анализируемым составам преступлений. Речь идёт, прежде всего, о принципе добропорядочности субъектов экономической деятельности.

Под непосредственным объектом преступного посягательства понимается «то охраняемое уголовным законом конкретное общественное отношение, которое терпит ущерб в результате совершения определенного преступления. Непосредственные объекты посягательства определяют специфику отдельных преступлений, направленных против одного и того же родового и видового объекта» [44, с. 95].

Официальный взгляд на объект преступлений, предусмотренных ст.ст. 195-197 УК РФ содержится в Методических рекомендациях по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства, где в качестве такового определяют «установленный порядок признания должника несостоятельным (банкротом), интересы кредиторов» [25]. Однако, данная формулировка объекта рассматриваемых противоправных посягательств, как представляется, не вполне адекватно отражает суть непосредственного объекта, на который они посягают.

Отдельные исследователи [17, с. 451], при определении непосредственного объекта преступлений в сфере банкротства, следуют пути максимальной конкретизации такового, что приводит к тому, что непосредственный объект выделяется не только к каждой статье УК РФ, содержащей состав преступления в сфере банкротства, но и применительно к различным частям одной статьи УК РФ выделяется несколько

непосредственных объектов. Однако, такой путь вряд ли можно считать удачным. При определении непосредственного объекта преступления следует соблюсти баланс между созданием достаточно ёмкой формулировки, позволяющей охватить необходимый спектр общественных отношений, на которые посягают определённые преступления, и конкретизацией таких отношений, применительно к специфике соответствующих противоправных действий.

Некоторые авторы формулируют единый объект для всех преступлений, обозначенных в ст.ст. 195-197 УК РФ. Так, по мнению С.П. Кубанцева, «в рамках уголовно-правовой регламентации в качестве объекта преступлений в сфере банкротства выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу уголовно-правовой охраны установленного законом порядка признания должника банкротом, добровольного удовлетворения требований кредиторов, а также пропорционального и соответствующего очередности распределения конкурсной массы в результате применения процедуры банкротства» [20, с. 95].

Данный подход видится достаточно удачным, однако, как представляется, непосредственный объект преступлений в сфере банкротства можно сформулировать ещё более кратко, но содержательно: общественные отношения, связанные с обеспечением законных интересов участников экономической деятельности в контексте регулирования процедуры банкротства.

Наряду с объектом преступления, целесообразно уделить внимание предмету преступного посягательства, являющемуся факультативным элементом.

По мнению отдельных авторов, «предмет преступления – это вещи или иные предметы внешнего мира, а также интеллектуальные ценности, воздействуя на которые виновный причиняет вред охраняемым законом общественным отношениям. Иначе говоря, с определенными свойствами,

качествами и состояниями этих вещей и ценностей закон связывает наличие в действиях лица состава преступления» [38, с. 19].

В качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, А.Г. Середа называет ряд объектов, связанных с реализацией гражданских прав, которые находят отражение в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [8] (ГК РФ), «за исключением нематериальных благ, а также имущественные обязанности» [38, с. 19].

В качестве таковых, законодатель в ст. 128 ГК РФ называет вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права.

Как полагает авторский коллектив учебника под редакцией В.К. Дуюнова, «предмет преступления, предусмотренный ст. 195 УК РФ, может быть дополнен сведениями об имуществе, его размере, местонахождении, а также иной информацией об имуществе, имущественных правах, или имущественных обязанностях (данные о размере, местонахождении, состоянии, идентификационных признаках имущества, размерах имущественных прав и имущественных обязанностей, сроков их осуществления и т.д.)» [44, с. 497]

Предметом преднамеренного банкротства, предусмотренного ст. 196 УК РФ, специалисты считают денежные обязательства и обязательные платежи [18, с. 679].

Соответствующие нормативные определения данных категорий содержатся в Законе о банкротстве. Так, денежное обязательство представляет собой «обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному предусмотренному Гражданским кодексом Российской Федерации, бюджетным законодательством Российской Федерации основанию» (абз. 4 ст. 2 Закона о банкротстве).

Обязательные платежи – это «налоги, сборы и иные обязательные взносы, уплачиваемые в бюджет соответствующего уровня бюджетной

системы Российской Федерации и (или) государственные внебюджетные фонды в порядке и на условиях, которые определяются законодательством Российской Федерации, в том числе штрафы, пени и иные санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по уплате налогов, сборов и иных обязательных взносов в бюджет соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации и (или) государственные внебюджетные фонды, а также административные штрафы и установленные уголовным законодательством штрафы» (абз. 5 ст. 2 Закона о банкротстве).

Таким образом, можно резюмировать следующее: в качестве родового объекта преступлений в сфере банкротства следует считать экономические отношения, которые основываются на принципах осуществления экономической деятельности. Видовым объектом данных преступлений выступает совокупность общественных отношений в сфере экономической деятельности, а непосредственным объектом можно считать общественные отношения, связанные с обеспечением законных интересов участников экономической деятельности в контексте банкротства.

2.2 Особенности признаков объективной стороны преступлений в сфере банкротства

Объективной стороной преступления выступает внешняя сторона противоправного поведения виновного. При этом, элементами объективной стороны преступления выступает вся совокупность объективных признаков соответствующего общественно опасного посягательства, включая те, указание на которые отсутствуют в тексте УК РФ.

Элементами объективной стороны состава преступления выступают «только те признаки объективной стороны формулируемого состава преступления, которые характеризуют типичные отличительные черты конкретного преступления, определяют характер его общественной опасности как

преступления данного вида либо индивидуализируют степень общественной опасности состава в рамках данного вида преступления» [44, с. 97].

По мнению Л.Д. Гаухмана, «объективная сторона конкретного состава преступления – это совокупность внешних, объективных, социально значимых, выражающих общественную опасность и её степень, существенных, типичных для данного вида преступлений признаков, предусмотренных уголовным законом – при бланкетности диспозиции статьи Особенной части УК РФ – в других законах и (или) нормативно-правовых актах, характеризующих преступление как оконченное и совершённое исполнителем (исполнителями)» [6, с. 88].

К числу обязательных признаков любого состава преступления законодатель относит: деяние в форме действия или бездействия, что же касается любых других, то они факультативны – это означает, что во всех случаях, когда они отдельно не обозначены в рамках диспозиции конкретного состава преступления, их установление не является обязательным и они не влияют на квалификацию преступления каким-либо образом, помимо того, что могут быть учтены судом при вынесении приговора.

Иными (факультативными) элементами объективной стороны состава преступления выступают: общественно опасные последствия, причинно-следственная связь между деянием и наступившими общественно опасными последствиями, а также место, время, орудия, средства, способы и обстановку совершения преступления.

Едиными для объективная сторона преступлений, предусмотренных ст.ст. 195-197 УК РФ, выступают такие признаки как:

- наличие последствия в виде причинения крупного ущерба в размере, превышающим 2 млн. 250 тыс. рублей (в соответствии с Примечанием к ст. 170.2 УК РФ);
- наличие причинно-следственной связи между деянием и последствием в виде причинения крупного ущерба.

Данные признаки позволяют сделать вывод о том, что составы преступлений, предусмотренных ст.ст 195-197 УК РФ являются материальными, поскольку их окончание законодатель связывает именно с причинением крупного ущерба, что является критерием разграничения уголовно-наказуемых деяний в сфере банкротства и административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ (ст. 14.12. «Фиктивное или преднамеренное банкротство» и ст. 14.13. «Неправомерные действия при банкротстве»).

Объективная сторона преступления в виде неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ) является весьма сложной и включает в себя, помимо общих признаков анализируемых нами основных составов преступлений в сфере банкротства, упомянутых выше, также несколько других обязательных признаков, в числе которых:

- формы совершения деяния, предусмотренные диспозицией ст. 195 УК РФ;
- обстановка, свидетельствующая о наличии признаков банкротства.

Законодателем предусмотрены следующие формы неправомерных действий при банкротстве:

- сокрытие имущества или имущественных обязанностей должника, сведений о данном имуществе (о его размере, местонахождении) либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях должника – под таковым понимается их полное или частичное утаивание различными способами (например, тайное перемещение имущества должника в другое место и т.д.);
- передача имущества должника во владение иным лицам – временное избавление от имущества, путём переуступки права пользования им;
- отчуждение имущества должника – включает в себя любые формы возмездного или безвозмездного сбыта имущества (продажа, обмен, дарение и т.д.);

- уничтожение имущества должника – приведение его в полную негодность для целевого использования или приведение в такое состояние, когда восстановление данного имущества становится экономически нецелесообразным;
- сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность хозяйствующих субъектов – утаивание, либо полное физическое уничтожение документа, влекущее невозможность ознакомления с содержащейся в нём информации, а также внесение в истинный документ искажённых, или не соответствующих действительности сведений, равно, как и полная подделка соответствующего документа. Иными учётными документами, посредством которых происходит отражение содержательной стороны хозяйственной деятельности субъектов экономической деятельности могут выступать: разного рода ведомости, приходно-расходные ордера, доверенности, расписки, акты инвентаризаций, платежные поручения и т.д.

П.С. Яни говорит о «сокрытии», как ключевой форме неправомерных действий при банкротстве, полагая, что в широком значении «сокрытие» может охватывать собой «все, что по замыслу виновного делает невозможным обнаружение имущества и, стало быть, создает препятствия для обращения на это имущество взыскания в целях погашения задолженности лица» [49, с. 39].

Преступление образует любая форма неправомерных действий при условии, что такие действия осуществляются в обстановке, которая свидетельствует о наличии признаков банкротства.

Ранее, до изменений, внесённых Федеральным законом от 19.12.2005 г. № 161-ФЗ, законодатель использовал в ч. 1 ст. 195 УК РФ иную формулировку: «при банкротстве или в предвидении банкротства», что создавало известные сложности при квалификации ввиду размытости

подобной формулировки. Однако, современный подход способствует необходимому пониманию.

Перечень признаков банкротства содержится в п. 2 ст. 3 Закона о банкротстве: «Юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены».

Применительно к признакам банкротства гражданина-должника Закон о банкротстве в п. 1 ст. 213.4 содержит следующие критерии:

- удовлетворение требований одного кредитора или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения гражданином денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей в полном объеме перед другими кредиторами;
- размер таких обязательств и обязанности в совокупности составляет не менее чем пятьсот тысяч рублей.

Заметим, необходимо лишь наличие признаков банкротства, а не признание должника банкротом, с введением конкурсного производства (для юридических лиц), или процедуры реализации имущества (для гражданина), или же реализация одной из восстановительных процедур несостоятельности (банкротства) по решению арбитражного суда (наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, реструктуризации долгов гражданина).

В диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ содержится оговорка, исключающая из квалификации по данной статье отдельные разновидности правонарушений, направленные на сокрытие признаков банкротства – они образуют отдельные специальные составы преступлений, предусмотренные ч. 4 и 5 ст. 170.1 УК РФ «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы

депозитарного учета» и ст. 172.1 УК РФ «Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации».

Часть 2 ст. 195 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника заведомо в ущерб другим кредиторам.

Типичным примером неправомерного действия такого рода, является нарушение очередности удовлетворения требований кредиторов. Но, как отмечается специалистами, «помимо собственно нарушения очередности виновный может, допустим, удовлетворить требования одного из кредиторов в большем чем положено объеме, т.е. в нарушение того правила, что при недостаточности денежных средств должника для удовлетворения требований кредиторов одной очереди денежные средства распределяются между кредиторами соответствующей очереди пропорционально суммам их требований, включенных в реестр требований кредиторов, если иное не предусмотрено законом» [14, с. 720].

Такое действие образует состав преступления при наличии признаков банкротства, а также иных общих для составов преступлений, обозначенных в ст.ст 195-197 УК РФ, признаков: причинения крупного ущерба и причинно-следственной связью между деянием и данным ущербом.

Часть 3 ст. 195 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации.

Как указывается в Методических рекомендациях по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства, «под незаконным воспрепятствованием деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной организации понимается создание таких

условий, которые не позволяют им в полной мере осуществлять свои функции» [25].

Как отмечают отдельные авторы, содержание объективной стороны деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 195 УК РФ «весьма сложно для восприятия и характеризуется рядом оценочных признаков, для правильного понимания которых требуется подробное судебное толкование» [18, с. 680].

Формы воспрепятствования могут быть различными, включая конкретизированные законодателем: уклонение от передачи или отказ в передаче необходимой документации или имущества, в нарушение требований законодательства о банкротстве.

Отдельные исследователи полагают, что создание открытого перечня форм воспрепятствования «превращает диспозицию статьи в «резиновую» и грозит нарушениями законности на практике» [24, с. 315].

Однако, конкретизация форм воспрепятствования способствовала бы увеличению казуистичности нормы. С учётом практической составляющей вопроса, во взаимосвязи с обширностью возможных форм препятствования работе соответствующих субъектов, легко создать необоснованные сложности в привлечении виновных в данном преступлении к ответственности.

Отказ в передаче представляет собой демонстративное, открыто и явно выраженное нежелание выполнить законное требование, обозначенное в диспозиции ч. 3 ст. 195 УК РФ.

Уклонение от передачи (при одинаковом с отказом результате в виде непредоставления) имеет иной характер препятствования, носящий не явный (завуалированный) характер.

Уклонение от передачи может быть выражено в игнорировании со стороны виновного лица соответствующих законных требований арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации. Также квалифицироваться в качестве уклонения будет формальное согласие лица передать необходимые документы

или имущество, фактического не исполненное в дальнейшем в разумный срок, поскольку неопределённость в данном вопросе может быть перманентной.

Противоправное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации может иметь характер создания физических ограничений – например, ограничение доступа в соответствующее помещение для ознакомления с документацией или иными носителями информации.

Реализация объективной стороны деяния в сфере банкротства может сопрягаться с применением разных форм физического насилия к арбитражному управляющему либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации. Если таковое имеет место, применение насилия требует отдельной уголовно-правовой квалификации: в зависимости от характера применяемого насилия, наступивших общественно опасных последствий, оно квалифицируется по совокупности с ч. 3 ст. 195 УК РФ по отдельным статьям УК РФ, предусматривающим уголовную ответственность за преступления против личности (в частности, ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью», 116 УК РФ «Побои» и т.д.)

Под уклонением от передачи понимаются «действия (бездействие), направленные на не передачу документов или имущества при отсутствии явно выраженного отказа от передачи» [18, с. 680].

Отказ от передачи, как указывается специалистами, представляет собой «открытые демонстративные действия, свидетельствующее о нежелании передавать документы или имущество» [18, с. 680].

К сожалению, как это констатируется отдельными авторами, «в своем стремлении уйти от долгов, причем сделать это без последствий, субъекты предпринимательской деятельности нередко искусственно создают ситуацию неплатежеспособности» [1], в связи с чем недобросовестные лица (как правило, должники), порождают ситуации, связанные с преднамеренным (ст. 196 УК РФ), или же фиктивным (ст. 197 УК РФ) банкротством.

Объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 196 УК РФ, образуют действия (бездействие), заведомо влекущие возникновение неспособности в полном объёме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, при условии причинения деянием крупного ущерба.

Данная форма противоправного поведения провоцирует возникновение неплатёжеспособности, или объективно увеличивает таковую.

В публикациях приводятся следующие формы совершения, деяния: «досрочное погашение кредиторских или иных задолженностей; предоставление кредитов или имущества в аренду физическим или юридическим лицам, которые заведомо не собираются его возвращать; перевод средств на счета других предприятий, с которых они снимаются; получение кредитов под ведение какой-либо деятельности и неосуществление ее; отказ от заключения выгодной сделки; невзыскание дебиторской задолженности; присоединение других организаций с кредиторской задолженностью; создание дочерних организаций и др.» [24, с. 316]

Также указывается на возможность совершения анализируемого деяния путём «заключения на условиях, не соответствующих рыночным отношениям и обычаям делового оборота, сделок: по отчуждению имущества; направленных на замещение или приобретение имущества менее ликвидного; купли-продажи имущества, без которого невозможна основная деятельность; связанных с возникновением обязательств, не обеспеченных имуществом; по замене одних обязательств другими, заключенных на заведомо невыгодных условиях» [17, с. 452].

На вопрос о том, необходимо ли для квалификации по анализируемой уголовно-правовой норме признание соответствующего субъекта банкротом в судебном или внесудебном (для гражданина) порядке, при буквальном толковании ч. 1 ст. 196 УК РФ, следует дать отрицательный ответ. Законодатель в диспозиции анализируемой статьи ведёт речь лишь о признаках банкротства (и то в несколько «урезанном» варианте).

Отдельные авторы прямо указывают, комментируя содержание объективной стороны данного деяния, что «объективная сторона преднамеренного банкротства состоит в создании признаков банкротства» [15, с. 315].

Аналогичная точка зрения в уголовно-правовой науке высказана Б.В. Волженкиным [4, с. 406].

На практике формальная констатация наличия признаков банкротства может производиться различными способами. Например, в соответствии с положениями Закона о банкротстве «руководитель должника обязан включить сведения о наличии признаков банкротства в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц в течение десяти рабочих дней с даты, когда руководителю стало или должно было стать известно об их возникновении» (п. 1 ст. 30 Закона о банкротстве).

То есть, признаки банкротства могут быть официально обозначены в вышеназванном Едином федеральном реестре.

Констатация наличия признаков банкротства также может быть произведена арбитражным судом:

- применительно к юридическому лицу – при признании заявления о признании должника банкротом обоснованным и введении процедуры наблюдения (п. 2 ст. 49 Закона о банкротстве);
- применительно к гражданину – при признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введении реструктуризации долгов (п. 1 ст. 213.6. Закона о банкротстве).

Также признаки банкротства могут быть обозначены в заявлении о признании гражданина банкротом во внесудебном порядке, в соответствии с положениями ст. 223.2 Закона о банкротстве.

Ст. 197 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за фиктивное банкротство. Фиктивным, с позиции законодателя, является заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического

лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, что сразу же вызывает определённый диссонанс между используемой законодателем в анализируемой статье формулировкой и гражданско-правовым регулированием несостоятельности (банкротства) на текущем этапе.

Всё дело в том, что основа объективной стороны рассматриваемого преступного деяния была сформулирована, в своё время, с опорой на давно упразднённую внесудебную процедуру несостоятельности, предусмотренную ст. 51 Закона РФ от 19.11.1992 г. № 9329-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [11], именуемую добровольной ликвидацией предприятия-должника под контролем кредиторов, в рамках которой регламентировалось официальное объявление о своей несостоятельности.

В этой связи специалисты выражают справедливое критическое отношение к содержанию объективной стороны анализируемого состава преступления, полагая, что оно «совершенно не соответствует тому порядку банкротства, который в настоящее время предусмотрен законодательством Российской Федерации» [26, с. 46].

В одном из комментариев к действующему УК РФ указывается, что «официальное объявление о своей несостоятельности давно уже не является согласно законодательству о банкротстве основанием для признания банкротом. Более того, публичное объявление банкротом теперь вообще не упоминается в законах о банкротстве, и, таким образом, эта категория лишена юридического содержания» [14, с. 721].

Другие авторы приходят к категоричному выводу о том, что «преступление, описанное в ст. 197 УК, в настоящий момент невозможно совершить» [16, с. 556].

Тем не менее, ст. 197 УК РФ, с некоторыми изменениями, продолжает действовать, обуславливая необходимость толкования сформулированных в ней объективных признаков деяния с ориентиром на современное

регулирование, осуществляемое в рамках действующего Закона о банкротстве.

Тем не менее, в соответствии с Методическими рекомендациями по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства, заявление, о котором идёт речь в ст. 197 УК РФ, может быть произведено в любой форме – как устной, так и письменной, а критерий публичности обеспечивается обнародованием такого сообщения в любой публичной форме (в средствах массовой информации, в арбитражном суде и т.д.), но с таким толкованием вряд ли можно согласиться в полной мере.

Как резонно отмечают в своём исследовании В.И. Морозов и С.Л. Цыганков, «преступление, квалифицируемое по ст. 197 УК РФ, выражается в совершении процессуальных действий, предусмотренных законодательством о несостоятельности, а сообщение о своей несостоятельности, сделанное вне предусмотренной законом процедуры, не образует фиктивного банкротства» [26, с. 46].

Толкование критерия публичности, применительно к фиктивному банкротству, должно строиться с учётом специфики данного состава преступления.

Как представляется, в данном случае публичность должна пониматься в узком значении – не как обращение к индивидуально-неопределённому кругу субъектов, выраженное в свободной форме, а как заявление публичного характера, инициирующие производство о несостоятельности (банкротстве), предусматриваемое Законом о банкротстве.

Таковыми вполне можно считать и опубликование уведомления о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом путем включения его в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц (п. 2.1 ст. 7 Закона о банкротстве), и обоснование неплатёжеспособности, содержащееся в заявлении должника, подаваемом в арбитражный суд (ст. 37 Закона о банкротстве), а также содержащееся в

заявлении о признании гражданина банкротом во внесудебном порядке (ст. 223.2 Закона о банкротстве).

Во всех указанных случаях присутствует элемент публичности – характеризуемый «открытостью» [30, с. 547], как следует из сути данного термина.

Ложность данного заявления понимается, как не соответствие такового действительности – наличие у должника фактической возможности удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, при отрицании такой возможности заявителем и утверждении обратного.

Следует отметить, что на выявление признаков преднамеренного и фиктивного банкротства направлены утверждённые Постановлением правительства РФ от 27.12.2004 г. № 855 Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства [33].

Примечательно, что признаки преднамеренного банкротства, в соответствии с правилами, подлежат фактическому выявлению как в течение периода, предшествующего возбуждению дела о банкротстве, так и непосредственно в ходе инициированной и реализуемой процедуры несостоятельности (банкротства).

В рамках названного нормативного документа, определена технология выявления преднамеренного банкротства, с учётом объективных экономических механизмов и факторов, которые свидетельствуют о преднамеренности действий виновного лица, приводящих к неплатёжеспособности, как противоправному результату.

Например, «в ходе анализа сделок должника устанавливается соответствие сделок и действий (бездействия) органов управления должника законодательству Российской Федерации, а также выявляются сделки, заключенные или исполненные на условиях, не соответствующих рыночным условиям, послужившие причиной возникновения или увеличения

неплатежеспособности и причинившие реальный ущерб должнику в денежной форме» (п. 8 Правил).

Заключение сделок, которые не соответствуют рыночным условиям, является важным показателем, поскольку свидетельствуют о неестественном стремлении субъекта понести необоснованные расходы.

К сделкам, заключенным на условиях, не соответствующих рыночным условиям, относятся: «сделки по отчуждению имущества должника, не являющиеся сделками купли-продажи, направленные на замещение имущества должника менее ликвидным; сделки купли-продажи, осуществляемые с имуществом должника, заключенные на заведомо невыгодных для должника условиях, а также осуществляемые с имуществом, без которого невозможна основная деятельность должника; сделки, связанные с возникновением обязательств должника, не обеспеченные имуществом, а также влекущие за собой приобретение неликвидного имущества; сделки по замене одних обязательств другими, заключенные на заведомо невыгодных условиях» (п. 9 Правил).

Также в соответствии с существующими нормативными правилами, определение признаков фиктивного банкротства производится лишь в случае, когда соответствующее производство по делу о несостоятельности (банкротстве) инициировано должником.

Причина такой нормативной установки вполне понятна – инициация процедуры со стороны должника заведомо может иметь в своей основе заинтересованность в неправомерном избавлении от долгов, в ущерб законным интересам кредиторов.

«Для установления наличия (отсутствия) признаков фиктивного банкротства проводится анализ значений и динамики коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника, рассчитанных за исследуемый период. В случае если анализ значений и динамики коэффициента абсолютной ликвидности, коэффициента текущей ликвидности, показателя обеспеченности обязательств должника его

активами, а также степени платежеспособности по текущим обязательствам должника указывает на наличие у должника возможности удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) об уплате обязательных платежей без существенного осложнения или прекращения хозяйственной деятельности, делается вывод о наличии признаков фиктивного банкротства должника» (Раздел III Правил).

Как представляется, не соответствующее действительности публичное заявление виновного о своём банкротстве, неизбежно сопрягается с рядом неправомерных действий, направленных на создание видимости неплатёжеспособности в виде сокрытия имущества, фальсификации бухгалтерских или иных учётных документов и т.д. В противном случае обоснование лицом мнимой несостоятельности, при инициации процедуры банкротства, в соответствии с действующим законодательством, будет невозможным.

Получается, что совершение неправомерных действий при банкротстве, предусмотренных ч. 1 ст. 195 УК РФ, выступает способом совершения фиктивного банкротства. Но ответственность в рассматриваемой ситуации по ч. 1 ст. 195 УК РФ наступить не может, поскольку объективно отсутствуют признаки банкротства (виновный лишь создаёт их видимость, путём совершения неправомерных действий).

В таком случае возникает резонный вопрос: какова необходимость в существовании отдельного состава преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ в современной, безнадежно отставшей от существующего регулирования процедуры банкротства, редакции?

Совершенно очевидно, что существующие уголовно-правовые нормы должны быть актуальны и соответствовать тем социально-правовым реалиям, для охраны которых были созданы.

При совершенствовании взаимосвязанных гражданско-правовых процедур и институтов, должны параллельно совершенствоваться и уголовно-

правовые нормы, определяющие наказуемость действий, связанных с анализируемой сферой.

В противном случае уголовно-правовой запрет становится неприменимой к текущим реалиям абстракцией, не выполняющим своё важное социальное назначение.

Вариантом решения может быть упразднение ст. 197 УК РФ, с внесением изменений в ч. 1 ст. 195 УК РФ, позволяющих квалифицировать как преступные неправомерные действия, направленные на фальсификацию признаков банкротства, при попытке инициации процедуры фиктивного банкротства виновным.

В новой редакции указанная норма может выглядеть следующим образом: «Соккрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника – юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства либо сопряжены с их фальсификацией в целях инициации процедуры банкротства и причинили крупный ущерб, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 170.1 и статьей 172.1 настоящего Кодекса»

Такой вариант фиктивного банкротства будет соответствовать существующему регулированию, содержащемуся в Законе о банкротстве, а также сделает квалификацию данного деяния более понятной.

Таким образом, можно резюмировать следующее: признаков объективной стороны преступлений в сфере банкротства достаточно много и

их толкование сталкивается с рядом сложностей, обусловленных, от части, необходимостью обращения к законодательству о банкротстве.

Следует заметить, что для квалификации преступлений в сфере банкротства, с учётом конструкции анализируемых уголовно-правовых норм, не требуется признание соответствующего субъекта банкротом в судебном или внесудебном (для гражданина) порядке – достаточно констатации признаков банкротства.

Наибольшее число споров порождает диспозиция ст. 197 УК РФ, основанная на давно упразднённой внесудебной процедуре банкротства, что создаёт препятствия для её применения на практике. В этой связи, решением проблемы может быть упразднение ст. 197 УК РФ, с внесением изменений в ч. 1 ст. 195 УК РФ, позволяющих квалифицировать как преступные неправомерные действия, направленные на фальсификацию признаков банкротства, при попытке инициации фиктивного банкротства виновным.

В новой редакции указанная норма может выглядеть следующим образом: «Соккрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника – юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно соккрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства либо сопряжены с их фальсификацией в целях инициации процедуры банкротства и причинили крупный ущерб, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 170.1 и статьей 172.1 настоящего Кодекса».

Такой вариант фиктивного банкротства будет соответствовать существующему регулированию, содержащемуся в Законе о банкротстве, а также сделает квалификацию данного деяния более понятной.

В заключении второй главы исследования сформулируем следующие выводы.

В качестве родового объекта преступлений в сфере банкротства следует считать экономические отношения, которые основываются на принципах осуществления экономической деятельности. Видовым объектом данных преступлений выступает совокупность общественных отношений в сфере экономической деятельности, а непосредственным объектом можно считать общественные отношения, связанные с обеспечением законных интересов участников экономической деятельности в контексте банкротства.

Что касается признаков объективной стороны преступлений в сфере банкротства, то их достаточно много и их толкование сталкивается с рядом сложностей, обусловленных, от части, необходимостью обращения к законодательству о банкротстве.

Следует заметить, что для квалификации преступлений в сфере банкротства, с учётом конструкции анализируемых уголовно-правовых норм, не требуется признание соответствующего субъекта банкротом в судебном или внесудебном (для гражданина) порядке – достаточно констатации признаков банкротства.

Наибольшее число споров порождает диспозиция ст. 197 УК РФ, основанная на давно упразднённой внесудебной процедуре банкротства, что создаёт препятствия для её применения на практике. В этой связи, решением проблемы может быть упразднение ст. 197 УК РФ, с внесением изменений в ч. 1 ст. 195 УК РФ, позволяющих квалифицировать как преступные неправомерные действия, направленные на фальсификацию признаков банкротства, при попытке инициации фиктивного банкротства виновным.

В новой редакции указанная норма может выглядеть следующим образом: «Соккрытие имущества, имущественных прав или имущественных

обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника – юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства либо сопряжены с их фальсификацией в целях инициации процедуры банкротства и причинили крупный ущерб, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 170.1 и статьей 172.1 настоящего Кодекса».

Такой вариант фиктивного банкротства будет соответствовать существующему регулированию, содержащемуся в Законе о банкротстве, а также делает квалификацию данного деяния более понятной.

Глава 3 Особенности субъективных признаков преступлений в сфере банкротства в нормах действующего УК РФ

3.1 Особенности субъекта преступлений в сфере банкротства

В первую очередь, говоря о субъективных признаках преступлений в сфере банкротства, правомерно вести речь о наличии во всех анализируемых составах специального субъекта преступления, несмотря на то, что в ряде комментариев к действующему УК РФ приводятся разные мнения на этот счёт.

Категория «специальный субъект преступления» применяется в целях обозначения лица, привлечение к уголовной ответственности которого, обуславливается наличием у данного лица не только общих признаков субъекта преступления, как вменяемого физического лица, подлежащего уголовной ответственности по достижению возраста уголовной ответственности, но и специфических признаков, применительно к конкретному составу преступления. Значение категории специального субъекта преступления несомненно велико.

Специфика преступлений, предусмотренных ст.ст. 195-197 УК РФ такова, что общий субъект преступления совершить деяние такого рода не может – для этого лицо должно обладать специфическими правомочиями, или на него, в соответствии с законом, контрактом, договором или решением суда, должны быть возложены соответствующие обязанности.

В частности, как указывается в Методических рекомендациях по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства, субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ может быть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет и обладающее соответствующими полномочиями (в силу закона, решения суда,

договора, занимаемой должности) для совершения деяния, указанного в диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ.

По мнению специалистов, с учётом введения института банкротства гражданина, к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 195 УК РФ могут быть привлечены «помимо руководителя или собственника организации должника, а также учредителей (участников) юридического лица-должника, председателя и членов совета директоров (наблюдательного совета), арбитражных управляющих, других представителей временной администрации, теперь является также гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель» [7, с. 42].

Что касается ч. 2 ст. 195 УК РФ, то в качестве субъекта данного преступления может быть привлечён руководитель юридического лица, его учредитель (участник), индивидуальный предприниматель, гражданин-банкрот [16, с. 557].

Аналогичный специальный субъект фигурирует, в основном составе преднамеренного банкротства, обозначенном в ч. 1 ст. 196 УК РФ и составе фиктивного банкротства, обозначенном в ст. 197 УК РФ.

Применительно к преступлению, предусмотренному ч. 3 ст. 195 УК РФ законодатель не уточняет, кто именно может выступать субъектом данного преступления, но отдельные авторы, основываясь на диспозиции данной уголовно-правовой нормы приходят к выводу о том, что «таковым может выступать только лицо, на которое возложены обязанности не препятствовать деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации» [36, с. 60].

Такой подход законодателя, несмотря на некоторую неоднозначность толкования, всё же представляется достаточно гибким, позволяя включать в разряд специальных субъектов анализируемого противоправного деяния достаточно широкий круг лиц, создавая при этом ограничение, не позволяющее безгранично расширять этот перечень.

В первоначальной редакции ст. 196 УК РФ законодатель, определяя субъекта преступления, указывал на «собственника коммерческой организации», что вызывало справедливые нарекания среди учёных.

Так А.Г. Ненайденко в период действия указанной редакции ст. 196 УК РФ отмечал, что «понятие «собственник коммерческой организации» противоречит действующему гражданскому законодательству, т.к. коммерческие организации, являющиеся самостоятельными субъектами гражданских прав и обязанностей с момента создания и до момента ликвидации, являются также и самостоятельными субъектами гражданско-правовых отношений, применительно к которым не действуют вещные права, в том числе право собственности» [28, с. 10].

В дальнейшем рассматриваемый состав преступления утратил указание на такого специального субъекта преступления, что следует оценить, конечно же, положительно.

Следует отметить, что в числе последних нормативных изменений, коснувшихся составов преступлений в сфере банкротства, которые состоялись с принятием Федерального закона Федеральный закон от 01.07.2021 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [46], стало выделение отдельных квалифицированных составов по признакам субъекта преступления, что следует оценить положительно.

Часть 1.1 ст. 195 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за деяния, предусмотренные ч. 1 данной статьи, для специальных субъектов: лиц, использующих своё служебное положение, а также лиц, контролирующих должника или руководителей этого контролирующего лица. Данные субъекты обозначены также в ч. 4 ст. 195, п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ.

Толкованию признака «с использованием своего служебного положения» уделено достаточное внимание в практике Пленума Верховного Суда РФ – в частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об

ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [31], Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [32] и т.д.

К лицам, использующим свое служебное положение для совершения неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства, следует относить как должностных лиц, так и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях.

Как отмечается специалистами, с учетом специфики законодательства о несостоятельности, рассматриваемые преступления в сфере банкротства «не могут быть совершены должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных внебюджетных фондов, государственных корпораций, государственных компаний, публично-правовых компаний, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации. Равно и лица, выполняющие управленческие функции в частных учреждениях, политических партиях, религиозных организациях и негосударственных фондах, не относятся к категории лиц, которые могут использовать свое служебное положение при совершении рассматриваемых преступлений» [40, с. 100].

О содержании категории «контролирующее должника лицо», с учётом бланкетности составов преступлений в сфере банкротства, говорит п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве. Таковым признается «физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий».

Как справедливо отмечает А.К. Субачев, «указание в рассматриваемых новеллах на руководителя контролирующего должника как субъекта криминальных банкротств должно упростить задачу правоприменителю при разрешении вопроса о субъекте преступления, совершенного при руководстве хозяйственной деятельностью должника управляющими компаниями, которые, как известно, могут выполнять функции единоличного исполнительного органа акционерного общества»

В рассматриваемом случае необходимо обратиться к положениям пп. 2 п. 2 ст. 67.1 ГК РФ, а также абз. 3 п. 1 ст. 69 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [48].

В ч. 2.1 ст. 195 УК РФ, в качестве специального субъекта, наряду с контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица, законодатель обозначил арбитражного управляющего и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора).

Однако, следует заметить, что, обозначив вышеназванных лиц в качестве специальных субъектов, законодатель по непонятным причинам не стал включать в содержание ч. 2.1 ст. 195 УК РФ признак «с использованием своего служебного положения».

Неправомерно удовлетворить имущественные требования отдельных кредиторов, как нам об этом говорит диспозиция ч. 2 ст. 195 УК РФ, может только субъект, который имеет право распоряжаться имуществом должника. Действительно, соответствующими полномочиями по руководству деятельностью должника, в рамках участия в процедуре банкротства, арбитражный управляющий наделяется арбитражным судом в порядке, установленном Законом о банкротстве.

Соответствующими управленческими полномочиями, в соответствии с п. 3, 4 ст. 62 ГК РФ, решением учредителей (участников) юридического лица или органа, принявшего решение о ликвидации, наделяется ликвидационная комиссия (ликвидатор) юридического лица.

Как верно отмечается авторами, «субъекты преступления, предусмотренного ч. 2.1 ст. 195 УК РФ, имеют общую черту: они выполняют организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции по специальному полномочию, то есть обладают признаками либо должностных лиц (примечание 1 к ст. 285 УК РФ), либо управленцев (примечание 1 к ст. 201 УК РФ)» [40, с. 107].

С учётом сказанного, действия арбитражного управляющего и ликвидатора, в рамках реализации объективной стороны анализируемого деяния, являются действиями, реализуемыми «с использованием своего служебного положения».

Указание на данных лиц, как наиболее вероятных субъектов рассматриваемого преступления, с учётом его специфики, решение понятное, но почему законодатель отказался от включения в ч. 2.1 ст. 195 УК РФ признака «с использованием своего служебного положения» совершенно не ясно.

Между тем, руководитель юридического лица обладает в ряде процедур банкротства не менее широкими полномочиями, чем арбитражный управляющий, или ликвидатор.

В частности, в таких процедурах несостоятельности, как наблюдение, или финансовое оздоровление, направленной на восстановление платёжеспособности должника, полномочия руководителя не прекращаются и продолжая их осуществление, недобросовестный руководитель может реализовать объективную сторону анализируемого деяния.

Таким образом, видится необходимым включить в ч. 2.1 ст. 195 УК РФ признак «с использованием своего служебного положения».

Можно согласиться с выводом А.К. Субачева о том, что «попытка отечественного законодателя повысить эффективность уголовно-правового противодействия неправомерным действиям при банкротстве и преднамеренному банкротству по большей части не увенчалась успехом. Основные изменения, внесенные в ст. 195, 196 УК РФ, в одной части

произведены без учета положений законодательства о несостоятельности, а в другой представляют собой реципирование терминов и формулировок банкротного права, не адаптированное под уголовный закон» [40, с. 114].

Таким образом, можно резюмировать следующее: относительно субъекта преступлений в сфере банкротства, несмотря на дискуссии по данному вопросу, следует сделать вывод о том, что специфика анализируемых преступлений, предусмотренных ст. 195 – 197 УК РФ такова, что общий субъект преступления совершить деяние такого рода не может – для этого лицо должно обладать специфическими правомочиями, или на него, в соответствии с законом, контрактом, договором или решением суда, должны быть возложены соответствующие обязанности. Это означает, что применительно ко всем составам преступлений в сфере банкротства речь идёт о специальном субъекте преступления.

В результате внесения изменений в ряд составов преступлений в сфере банкротства, законодателем были выделены отдельные квалифицированные составы по признакам субъекта преступления, что следует оценить положительно.

Однако, формулируя соответствующие признаки, законодатель не всегда проявляет последовательность. Например, включив в ч. 2.1 ст. 195 УК РФ в число специальных субъектов арбитражного управляющего и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора), законодатель по непонятным причинам не стал включать в содержание данной нормы признак «с использованием своего служебного положения», что позволило бы, в частности, привлечь по данному квалифицированному составу руководителя юридического лица, обладающего в ряде процедур банкротства не менее широкими полномочиями, чем арбитражный управляющий, или ликвидатор. Таким образом, видится необходимым включить в ч. 2.1 ст. 195 УК РФ признак «с использованием своего служебного положения».

3.2 Особенности признаков субъективной стороны преступлений в сфере банкротства

Под субъективной стороной преступления в науке уголовного права понимается «психическая деятельность субъекта преступления, которая имела место при подготовке, совершении и сокрытии данного преступления» [44, с. 107].

К признакам субъективной стороны относят вину, мотив, цель и эмоции – при этом, обязательным для любого состава уголовно наказуемого деяния признаком субъективной стороны является вина в форме умысла, либо неосторожности. Остальные элементы являются факультативными.

Установление признаков субъективной стороны любого преступного деяния, включая преступления в сфере банкротства, представляют особенную сложность, будучи скрытыми от стороннего наблюдателя, входя в сферу мыслей, чувств, побуждений. Психические процессы сложно поддаются эмпирическому познанию – как отмечают В.К. Дуюнов и А.Г. Хлебушкин, «о содержании субъективной стороны виновного судят по его поведению, по характеру совершённого им общественно опасного деяния, ибо нет другого – более чёткого критерия» [10, с. 65].

Вина – важнейший признак субъективной стороны состава преступления. Она характеризует интеллектуальный и волевой аспекты общественно опасного поведения, отражая психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям.

С точки зрения субъективной стороны, все составы анализируемых преступлений, предусмотренных ст. 195 – 197 УК РФ характеризуются умышленной формой вины – в этом выводе, фактически, проявляется единство мнений исследователей.

Однако, в научных публикациях можно встретить иную точку зрения: «в силу того, что в диспозиции ч. 1. ст. 195 УК РФ нет указания на определенную

форму вины, с которой могут совершаться преступления, можно сделать вывод о том, что криминальная ответственность по этой норме возможна как за умышленное осуществление незаконных деяний при банкротстве, так и за их осуществление с неосторожной формой вины» [34, с. 122].

Тем не менее, данное суждение не выдерживает критики исходя из характера действий, включаемых законодателем в число признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ. Неумышленно скрыть имущество, или произвести фальсификацию бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, осознавая наличие признаков банкротства, попросту невозможно. Иное противоречило бы здравому смыслу.

Умышленность действий (бездействия) является общей уголовно-правовой характеристикой данной группы преступлений – характер анализируемых общественно опасных деяний таков, что они не могут совершиться по неосторожности.

Однако, имеет ли место в отдельных составах преступлений в сфере банкротства косвенный умысел, или же во всех случаях может быть только прямой умысел – вопрос остаётся открытым.

Одни авторы прямо указывают на наличие только прямого умысла.

«Как видно, умысел по ч. 1 ст. 195 УК РФ может быть только прямой. Что касается действий по ч. 2 и 3 ст. 195 УК РФ, то их характер предусматривает очевидный прямой умысел» [27, с. 73] – пишет А.В. Наливайченко.

Другие же авторы не конкретизируют вид умысла, указывая лишь на то, что преступления в сфере банкротства совершаются умышленно [15, с. 316].

Третьи авторы конкретизируют вид умысла, применительно к отдельным составам анализируемых преступлений в сфере банкротства и допускают совершение деяний такого рода с косвенным умыслом. Как указывают авторы одного из комментариев к действующему УК РФ,

косвенный умысел, применительно к ч. 1 ст. 195 УК РФ, «означает, что виновный лишь допускает причинение крупного ущерба либо относится к этому безразлично» [18, с. 681].

Как представляется, сужение вида вины исключительно до прямого умысла, необоснованно сужает возможность квалифицировать действия виновного, как преступные, что может приводить на практике к необоснованному отказу от уголовного преследования.

Вина отражает психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям, а все составы анализируемых деяний являются материальными и предполагают в качестве обязательного признака причинение крупного ущерба. Это означает, что, действуя с прямым умыслом, виновный должен осознавать общественную опасность своих действий (бездействия), предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желать их наступления, с учётом официального определения прямого умысла, сформулированного в ч. 2 ст. 25 УК РФ.

Очевидно, что желание виновного причинить именно крупный ущерб совершаемым деянием может иметь место далеко не в каждом случае. Напротив, наиболее вероятным, применительно к преступным последствиям, будет сознательное их допущение или же безразличное к ним отношение (ч. 3 ст. 25 УК РФ) – что говорит о наличии не прямого, а косвенного умысла.

Таким образом, учитывая сказанное, представляется, что все составы преступлений против банкротства, характеризуются прямым, либо косвенным умыслом.

Что касается иных факультативных элементов субъективной стороны анализируемых составов преступлений, то они не упоминаются законодателем в конструкциях составов данных преступлений, а значит не влияют на уголовно-правовую квалификацию содеянного. Однако, они могут быть учтены судом при дифференциации уголовной ответственности и

конкретизации вида и размера уголовного наказания, назначаемого виновному.

До внесения соответствующих изменений, в ст. 196 УК РФ, предусматривался специальный мотив – личный интерес или интересы других лиц. Соответственно, чтобы нести уголовную ответственность, лицо должно было реализовать объективную сторону деяния в виде преднамеренного банкротства, руководствуясь личными интересами, или же интересами иных лиц.

В настоящий момент, при квалификации преднамеренного банкротства наличие специального мотива не имеет квалифицирующего значения. Устранение данного признака субъективной стороны из диспозиции ст. 196 УК РФ следует оценить положительно, поскольку наличие, или отсутствие такого не оказывает влияния на степень общественной опасности деяния, но при включении в анализируемую уголовно-правовую норму предполагает обязательность доказывания наличия этого мотива по каждому расследуемому уголовному делу, возбуждаемому по ст. 196 УК РФ.

Здесь уместно вернуться к вопросу упразднения ст. 197 УК РФ, с внесением изменений в ч. 1 ст. 195 УК РФ, позволяющих квалифицировать как преступные неправомерные действия, направленные на фальсификацию признаков банкротства, при попытке инициации процедуры фиктивного банкротства виновным. При реализации данного предложения, состав фиктивного банкротства (в рамках предложенной обновлённой редакции ч. 1 ст. 195 УК РФ) будет предполагать наличие специальной цели – инициации процедуры банкротства.

Таким образом, можно резюмировать следующее: с точки зрения субъективной стороны, все составы анализируемых преступлений, предусмотренных ст. 195 – 197 УК РФ характеризуются умышленной формой вины – в этом выводе, фактически, проявляется единство мнений исследователей. Однако, имеет ли место в отдельных составах преступлений

в сфере банкротства косвенный умысел, или же во всех случаях может быть только прямой умысел – вопрос остаётся открытым.

Все составы преступлений в сфере банкротства являются материальными и предполагают причинение крупного ущерба. Очевидно, что желание виновного причинить именно крупный ущерб совершаемым деянием может иметь место далеко не в каждом случае. Напротив, наиболее вероятным, применительно к преступным последствиям, будет сознательное их допущение или же безразличное к ним отношение (ч. 3 ст. 25 УК РФ) – что говорит о наличии не прямого, а косвенного умысла.

Учитывая сказанное в рамках проведённой работы, представляется, что все анализируемые составы преступлений против банкротства, могут характеризоваться лишь прямым, либо косвенным умыслом.

Возвращаясь к вопросу упразднения ст. 197 УК РФ, с внесением изменений в ч. 1 ст. 195 УК РФ, позволяющих квалифицировать как преступные неправомерные действия, направленные на фальсификацию признаков банкротства, при попытке инициации процедуры фиктивного банкротства виновным, следует отметить, что при реализации данного предложения, состав фиктивного банкротства (в рамках предложенной обновлённой редакции ч. 1 ст. 195 УК РФ) будет предполагать наличие специальной цели – инициации процедуры банкротства.

В настоящий же момент иные, помимо вины, субъективные признаки преступлений в сфере банкротства в соответствующих составах законодателем не упоминаются, а значит не имеют квалифицирующего значения, но могут быть учтены судом при дифференциации уголовной ответственности и конкретизации вида и размера уголовного наказания, назначаемого виновному.

В заключение третьей главы исследования сформулируем следующие выводы.

Относительно субъекта преступлений в сфере банкротства, несмотря на дискуссии по данному вопросу, следует сделать вывод о том, что специфика

анализируемых преступлений, предусмотренных ст. 195 – 197 УК РФ такова, что общий субъект преступления совершить деяние такого рода не может – для этого лицо должно обладать специфическими правомочиями, или на него, в соответствии с законом, контрактом, договором или решением суда, должны быть возложены соответствующие обязанности. Это означает, что применительно ко всем составам преступлений в сфере банкротства речь идёт о специальном субъекте преступления.

В результате внесения изменений в ряд составов преступлений в сфере банкротства, законодателем были выделены отдельные квалифицированные составы по признакам субъекта преступления, что следует оценить положительно.

Однако, формулируя соответствующие признаки, законодатель не всегда проявляет последовательность. Например, включив в ч. 2.1 ст. 195 УК РФ в число специальных субъектов арбитражного управляющего и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора), законодатель по непонятным причинам не стал включать в содержание данной нормы признак «с использованием своего служебного положения», что позволило бы, в частности, привлечь по данному квалифицированному составу руководителя юридического лица, обладающего в ряде процедур банкротства не менее широкими полномочиями, чем арбитражный управляющий, или ликвидатор. Таким образом, видится необходимым включить в ч. 2.1 ст. 195 УК РФ признак «с использованием своего служебного положения».

С точки зрения субъективной стороны, все составы анализируемых преступлений, предусмотренных ст. 195 – 197 УК РФ характеризуются умышленной формой вины – в этом выводе, фактически, проявляется единство мнений исследователей. Однако, имеет ли место в отдельных составах преступлений в сфере банкротства косвенный умысел, или же во всех случаях может быть только прямой умысел – вопрос остаётся открытым.

Все составы преступлений в сфере банкротства являются материальными и предполагают причинение крупного ущерба. Очевидно, что

желание виновного причинить именно крупный ущерб совершаемым деянием может иметь место далеко не в каждом случае. Напротив, наиболее вероятным, применительно к преступным последствиям, будет сознательное их допущение или же безразличное к ним отношение (ч. 3 ст. 25 УК РФ) – что говорит о наличии не прямого, а косвенного умысла.

Таким образом, учитывая сказанное в рамках проведённой работы, представляется, что все анализируемые составы преступлений против банкротства, могут характеризоваться лишь прямым, либо косвенным умыслом.

Возвращаясь к вопросу упразднения ст. 197 УК РФ, с внесением изменений в ч. 1 ст. 195 УК РФ, позволяющих квалифицировать как преступные неправомерные действия, направленные на фальсификацию признаков банкротства, при попытке инициации процедуры фиктивного банкротства виновным, следует отметить, что при реализации данного предложения, состав фиктивного банкротства (в рамках предложенной обновлённой редакции ч. 1 ст. 195 УК РФ) будет предполагать наличие специальной цели – инициации процедуры банкротства.

В настоящий же момент иные, помимо вины, субъективные признаки преступлений в сфере банкротства в соответствующих составах законодателем не упоминаются, а значит не имеют квалифицирующего значения, но могут быть учтены судом при дифференциации уголовной ответственности и конкретизации вида и размера уголовного наказания, назначаемого виновному.

Заключение

В заключении работы сформулируем ключевые выводы, связанные с проблемной сферой темы исследования.

Несмотря на то, что преступность и наказуемость преступлений в сфере банкротства определяется через понятие «банкротство», в нормах УК РФ его содержание не раскрывается, равно, как не раскрывается данная категория и в нормах КоАП РФ, содержащего соответствующие «созвучные» составы административных правонарушений в сфере банкротства.

Обращает на себя внимание использование законодателем категорий «несостоятельность» и «банкротство» в качестве синонимов – равных по содержанию и значению определений, в то время как в нормах УК РФ законодатель обращается лишь к категории «банкротство».

Очевидна взаимосвязанность данных категорий, но использование их в разных контекстах и смысловых значениях порождает неоднозначность в толковании.

Бланкетный характер диспозиций указанных статей, для реализации которых необходимо обращаться к положениям гражданского законодательства о банкротстве, создает дополнительные трудности правоприменения, а в ряде случаев, становится причиной существенных противоречий норм права различной отраслевой принадлежности. В целях устранения таких проблем, было бы целесообразно внести в юридические конструкции рассматриваемых составов преступлений четкую и развернутую формулировку и регламентацию действий, являющихся уголовно-наказуемыми. Все это позволит избежать неоднозначных и произвольных трактовок данных норм, дискуссионности их практического применения.

В рамках одного из существующих в данный момент законопроектов, предполагается разграничение анализируемых категорий и наполнение каждого из них собственным смысловым содержанием: несостоятельность предложено понимать, как фактическое состояние, связанное с

неплатёжеспособностью должника, а банкротство – как несостоятельность, признанную со стороны государства со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. Подобный терминологический подход вполне понятен и логически обоснован.

Однако, следование пути нормативного разграничения рассматриваемых категорий предполагает внесение изменений и в иные нормативные документы, использующие соответствующую терминологию – в частности, УК РФ. В настоящий момент в тексте УК РФ законодателем используется лишь термин «банкротство».

По сути, в УК РФ законодатель использует термин «банкротство» в особом, уголовно-правовом значении, включая в его содержание не только несостоятельность должника, имеющую место с принятием арбитражным судом решения о признании должника банкротом, но и фактическую (а также мнимую) неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Существующее в настоящее время правовое регулирование института несостоятельности (банкротства) и регулирование уголовной ответственности за преступления в данной сфере – это результат длительной эволюции соответствующих правовых норм на разных этапах исторического развития

Первоначальные нормы, регламентирующие несостоятельность должника, можно обнаружить начиная с XI века, однако, нормы, посвящённые уголовной ответственности за преступления в указанной сфере, получили своё развитие лишь к середине XIX столетия.

В советский период соответствующее регулирование утратило свою актуальность ввиду социализации промышленности и сельского хозяйства. И лишь в нормах действующего УК РФ, принятого в условиях поступательного развития российского законодательства о банкротстве постсоветского

периода, появились составы преступлений в сфере банкротства, регламентированные в ст. 195 – 197 УК РФ.

В качестве родового объекта преступлений в сфере банкротства следует считать экономические отношения, которые основываются на принципах осуществления экономической деятельности. Видовым объектом данных преступлений выступает совокупность общественных отношений в сфере экономической деятельности, а непосредственным объектом можно считать общественные отношения, связанные с обеспечением законных интересов участников экономической деятельности в контексте банкротства.

Что касается признаков объективной стороны преступлений в сфере банкротства, то их достаточно много (в частности, применительно к ст. 195 УК РФ) и их толкование сталкивается с рядом сложностей, обусловленных, от части, необходимостью обращения к законодательству о банкротстве.

Следует заметить, что для квалификации преступлений в сфере банкротства, с учётом конструкции анализируемых уголовно-правовых норм, не требуется признание соответствующего субъекта банкротом в судебном или внесудебном (для гражданина) порядке – достаточно констатации признаков банкротства.

Наибольшее число споров порождает диспозиция ст. 197 УК РФ, основанная на давно упразднённой внесудебной процедуре банкротства, что создаёт препятствия для её применения на практике. В этой связи, решением проблемы может быть упразднение ст. 197 УК РФ, с внесением изменений в ч. 1 ст. 195 УК РФ, позволяющих квалифицировать как преступные неправомерные действия, направленные на фальсификацию признаков банкротства, при попытке инициации процедуры фиктивного банкротства виновным.

В новой редакции указанная норма может выглядеть следующим образом: «Соккрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных

обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника – юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства либо сопряжены с их фальсификацией в целях инициации процедуры банкротства и причинили крупный ущерб, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 170.1 и статьей 172.1 настоящего Кодекса»

Такой вариант фиктивного банкротства будет соответствовать существующему регулированию, содержащемуся в Законе о банкротстве, а также сделает квалификацию данного деяния более понятной.

Относительно субъекта преступлений в сфере банкротства, несмотря на дискуссии по данному вопросу, следует сделать вывод о том, что специфика анализируемых преступлений, предусмотренных ст.ст. 195-197 УК РФ такова, что общий субъект преступления совершить деяние такого рода не может – для этого лицо должно обладать специфическими правомочиями, или на него, в соответствии с законом, контрактом, договором или решением суда, должны быть возложены соответствующие обязанности. Это означает, что применительно ко всем составам преступлений в сфере банкротства речь идёт о специальном субъекте преступления.

В результате внесения изменений в ряд составов преступлений в сфере банкротства, законодателем были выделены отдельные квалифицированные составы по признакам субъекта преступления, что следует оценить положительно.

Однако, формулируя соответствующие признаки, законодатель не всегда проявляет последовательность. Например, включив в ч. 2.1 ст. 195 УК РФ в число специальных субъектов арбитражного управляющего и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора), законодатель по

непонятным причинам не стал включать в содержание данной нормы признак «с использованием своего служебного положения», что позволило бы, в частности, привлечь по данному квалифицированному составу руководителя юридического лица, обладающего в ряде процедур банкротства не менее широкими полномочиями, чем арбитражный управляющий, или ликвидатор. Таким образом, видится необходимым включить в ч. 2.1 ст. 195 УК РФ признак «с использованием своего служебного положения».

С точки зрения субъективной стороны, все составы анализируемых преступлений, предусмотренных ст. 195 – 197 УК РФ характеризуются умышленной формой вины – в этом выводе, фактически, проявляется единство мнений исследователей. Однако, имеет ли место в отдельных составах преступлений в сфере банкротства косвенный умысел, или же во всех случаях может быть только прямой умысел – вопрос остаётся открытым.

Все составы преступлений в сфере банкротства являются материальными и предполагают причинение крупного ущерба. Очевидно, что желание виновного причинить именно крупный ущерб совершаемым деянием может иметь место далеко не в каждом случае совершения соответствующего преступления в анализируемой сфере.

Напротив, наиболее вероятным, применительно к преступным последствиям, будет сознательное их допущение или же безразличное к ним отношение (ч. 3 ст. 25 УК РФ) – что говорит о наличии не прямого, а косвенного умысла.

Таким образом, учитывая сказанное в рамках проведённой работы, представляется, что все анализируемые составы преступлений против банкротства, могут характеризоваться лишь прямым, либо косвенным умыслом.

Возвращаясь к вопросу упразднения ст. 197 УК РФ, с внесением изменений в ч. 1 ст. 195 УК РФ, позволяющих квалифицировать как преступные неправомерные действия, направленные на фальсификацию признаков банкротства, при попытке инициации процедуры фиктивного

банкротства виновным, следует отметить, что при реализации данного предложения, состав фиктивного банкротства (в рамках предложенной обновлённой редакции ч. 1 ст. 195 УК РФ) будет предполагать наличие специальной цели – инициации процедуры банкротства.

В настоящий же момент иные, помимо вины, субъективные признаки преступлений в сфере банкротства в соответствующих составах законодателем не упоминаются, а значит не имеют квалифицирующего значения, но могут быть учтены судом при дифференциации уголовной ответственности и конкретизации вида и размера уголовного наказания, назначаемого виновному.

Таким образом, очевидно, что уголовно-правовое регулирование в анализируемой сфере должно продолжать поступательно и постоянно совершенствоваться, что диктуется насущной необходимостью обеспечения адекватного реагирования со стороны государства на заведомо противоправное поведение недобросовестных субъектов в сфере экономической деятельности, с учётом растущей потребности в реализации процедур несостоятельности (банкротства), существующей в современных экономических условиях.

Только таким образом можно рассчитывать на расширение практики привлечения виновных в соответствующих противоправных посягательствах к ответственности и достижения тем самым усиления гарантий законности и правопорядка в стране.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Амелин Р.В., Бевзюк Е.А., Волков Ю.В., Воробьев Н.И., Вахрушева Ю.Н., Жеребцов А.Н., Корнеева О.В., Марченко Ю.А., Степаненко О.В., Томтосов А.А. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (постатейный) // СПС «Консультант плюс», 2014.
2. Боев О.В. Уголовная ответственность за преднамеренное и фиктивное банкротство кредитных организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 22 с.
3. Власов П.Е. Преступность в сфере банкротств: криминологические аспекты // СПС КонсультантПлюс. 2010.
4. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. 763 с.
5. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. М. : ЮрИнфорР, 1998. 296 с.
6. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. 457 с.
7. Гладких В.И., Сухаренко А.Н. Противодействие незаконному банкротству физических лиц // Безопасность бизнеса. 2016. № 2. С. 42-46.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева по итогам 2022 года // <https://www.vsrfr.ru/files/32123/>.
10. Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г. Квалификация преступлений: Законодательство, теория, судебная практика: Монография. М. : РИОР; ИНФРА-М, 2015. 372 с.
11. Закон РФ от 19.11.1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.

12. Законопроект № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части реформирования института банкротства) // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7>.

13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. - М. : Юрайт, 2013. 1069 с.

15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. - М. : КОНТРАКТ, 2013. 672 с.

16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. - М. : Проспект, 2021. 816 с.

17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). Т. 1. / под ред. А.В. Бриллиантова. - М. : Проспект, 2015. 792 с.

18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. - М. : Юриспруденция, 2013. 912 с.

19. Коренная А.А. Терминологический анализ категорий «несостоятельность» и «банкротство»: уголовно-правовой аспект // Юрислингвистика. 2021. № 22. С. 28-32.

20. Кубанцев С.П. Уголовно-правовая характеристика объекта преступлений в сфере банкротства // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 86-96.

21. Куркин П.Д. Ответственность за несостоятельность (банкротство) должника в России с XVIII по XXI в. // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 34-40.

22. Лаптев Д.Б., Гордиенко З.А. Проблемы реализации норм о преступлениях в сфере банкротства // Безопасность бизнеса. 2022. № 5. С. 41-44.

23. Лопашенко Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 184 с.

24. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М. : Волтерс Клувер, 2006. 720 с.

25. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15.04.2013 г. № 04-4 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс»).

26. Морозов В.И., Цыганков С.Л. Генезис и особенности квалификации фиктивного банкротства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 42-49.

27. Наливайченко А.В. Характеристика умысла в составе преступления в виде криминального банкротства // Вестник науки и образования. 2015. № 7 (9). С. 72-74.

28. Ненайденко А.Г. Преднамеренное и фиктивное банкротство: актуальные проблемы уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 190 с.

29. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1960. 230 с.

30. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. - М. : Рус. яз., 1987. 797 с.

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. № 251. 2012.

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. № 280. 2017.

33. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СЗ РФ. 2004. № 52 (часть 2). Ст. 5519.

34. Русинов И.А. Вопросы квалификации преступлений, которые связаны с незаконными действиями при банкротстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 1-2. С. 121-124.

35. Русская Правда // Древнерусское государство и право / под ред. Т.Е. Новицкой. - М., 1998.

36. Саппаров Р.Р. Субъект преступлений в сфере банкротства согласно УК РФ // Юридические исследования. 2018. № 5. С. 57-61.

37. Сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости в России за 2021 год // <https://www.cdpr.ru/index.php?id=79&item=6121>.

38. Середа А.Г. Объект преднамеренного банкротства // Пролог: журнал о праве. 2018. № 1. С. 16-21.

39. Середа И.М., Бирюкова Е.А. Некоторые проблемы квалификации преднамеренного банкротства по субъекту преступления // Российский следователь. 2012. № 14. С. 12-17.

40. Субачев А.К. Субъекты криминального банкротства: оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 99-114.

41. Суворов Е.Д. К вопросу о понятии банкротства // Lex Russica. 2020. № 11 (168) Т. 73. С. 21-34.

42. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

43. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

44. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. 780 с.)

45. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

46. Федеральный закон от 01.07.2021 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5069.

47. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190

48. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

49. Яни П.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства // Законность. 2014. № 1. С. 38-42.